

* * *

Не догрел мне руки февраль-отталок,
Не качал меня в подолé июнь,
Бьёт меня Создатель, а мне всё мало.
Разотри и сплюнь,
Сплюнь и разотри, поцелуй легонько,
Разгони мне розгами снежный мрак.
У меня есть старая коногонка
Да родной барак.
В том бараке тепло только тараканам.
Грохают тазами, дитё визжит.
Только там не годы ещё, века нам
Жить да не тужить.
Солнце топит снега из горних кряжей,
Небо соскребаёт кедрач метлой...
Ждёт ли кто нас там, удалых бродяжек,
Где тепло-светло?

Отступи, невзгода моя нелепая,
Родиной стыдила меня судьба.
Опеваёт жаворонок макушку лета,
Где жара скупа.
Лодочка моя омулёвой бочкой
Плавает по морю, не зная дна.
Рваная тропинка, скупая строчка.
Всё, чему верна.

* * *

Кто тебе сказал, румяной, рыжей,
Года в три отнятой от груди,
Что война тебе всю душу выжжет
И крестов наставит на пути?..
Кто предупредил, чтоб саван шила
В гуле пулемётных перестуков,
Что загладишь холмик над могилой,
А не головы кудрявых внуков.
Сделалась до времени седою,
Стала ты до возраста старухой.
Твой сынок лежит в опавшей хвое,
А не на постели с молодухой.
Ты ли не молилась, провожая,
Удивлялась на вселенский вой?
Мы ещё сынов вам нарожаем,
Только не развязывайте войн!
...Защищать нам что-нибудь не ново!
Боль земные наполняет соты...
И по чьей же воле бестолковой
К матери вернулся ты “двухсотым”?
Им, голубокровым, белокостым,
Слышится ль в снарядах и дыму
Вертолёт, зависший над блокпостом,
Не успевший к сыну твоему?..

* * *

Город горит бисерным побережьем,
Запер потоки, линии поломал.
Вместо тайги — сплошь бурелом, валежник,
Стайки пустые, брошенные дома.
Вниз оползают красные терриконы:
Дом для термитов, панцирная гора.
Сушат просторы весенние ветрогоны.
Спрашиваешь: “Замёрзла?” Домой пора.
...Чем же вы тут живёте, какие планы,
Кто не сорвался, видимо, тот привык...
Старыми болями ваши ржавеют раны,
И, как стигматами, ими гордитесь вы.
Разве не жалко своих, что внезапно сгинут?
Встать бы вам всем, и сдвинется пласт беды.
Бедность терпеть и гнуть на кого-то спину...
Им всё равно не хватит угля, руды,
Им всё равно не нужен ваш пот и слёзы,
Только и знают — последнее забирать.
Вы не противитесь, чадный вдыхая воздух.
Разве вам здесь не холодно без костра?

Ты улыбаешься этим моим предложениям,
Гладишь прибрежный камень в кругах веков.
Ты отвечаешь: “Видишь, за дальним логом
Выпас покрылся розами огоньков?
Видишь, деревня около перевала
Сморщилась словно, открытая всем ветрам.
Белые старцы дальнего Алатау
Щербами серыми лыбятся по утрам...”
Ты говоришь: “Не знаю рассказов длинных,
Может быть, я у сердца их приберёг...”
Возле дворов на шорские домовины
Жёлтой пылью ложится цветущий мох.
Так мы глядим с высоты, где овсянка свищет,
Меж первоцветов еле видна тропа.
И, наступая на брошенное кострище,
Траву сминая, ты
Давишь осенний пал.

* * *

Посконь тумана брошена на пашни,
сивеет лента речки ледяной.
Так мало знаю я о дне вчерашнем...
Так говори о завтрашнем со мной!
Всегда одно: не вера поколений,
но мера страсти — спутница войны.
Мы спутаемся с былками растений,
продолжим девясилы, плауны,
дадим другую плоть плодам обычным,
отклеим лист прилипший от пяты...
Но не найдём ни одного отличья
от тех, чьи унаследуем черты.
Храни же, ни к чему не привыкая,
своё в себе, хоть твой спокоен вид.
Посыпал град с подветренного края,
и горный край кинжалами звенит,
и степь тебе грозит стрелой калёной.
Кто, изболевшись праведной виной,
поднимет наши рваные знамёна
над обречённой, раненой страной...